

УДК 800:159.9

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТРОПЕЙЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье описаны некоторые коммуникативные аспекты экспликации тропейческой лексики в социальной коммуникации с позиции лингвосемиотической концепции. Автором выделяются условия употребления тропов в семиотическом пространстве социального взаимодействия, обосновывается коммуникативный потенциал тропов, зависящий от знаковой стереотипизации объектов/явлений окружающего мира, её закрепления в виде эталона, манифестируемого в речевой коммуникации, и саморепрезентации индивида.

***Ключевые слова:** тропейческая лексика, семиотика коммуникации, лингвосемиотическая концепция, метафора, социальные архетипы.*

В настоящее время реализуемая во многих научных работах практика коммуникативного аудита показала наличие прямой зависимости норм поведения сообщества в целом и отдельного человека в частности и языковой системы. Эти нормы складываются под влиянием не только внешних, но и внутренних факторов, выполняя при этом функцию дифференциации в дихотомии «свой – чужой». Человек существует в рамках культуры и конкретного социума, и его самоидентификация складывается в соответствии с имеющейся социальной атрибуцией и культурно-социальной парадигмой (см. подр.: [Moliner 1996, Moscovici 2004, Jung 1996, Vinzerich 2007]). Согласно точке зрения указанных авторов, социальное взаимодействие учитывает не только характер интеракций индивида в своей социальной группе, но и «внешние» контакты за пределами привычного окружения. Вместе с тем в субъективной ситуации общения значима и речеповеденческая реакция человека, обусловленная психическим состоянием индивида, формирующимся под воздействием объективной реальности. Иными словами, имеет место увеличение количества связей, необходимость учёта которых обязательна при анализе причин поведения индивида в конкретных коммуникативных условиях, а также при принятии во внимание обширного спектра мыслительных операций, формирующих когнитивный конструкт личности. В этой связи значимой представляется

идея Л.С. Выготского о важности социально-перцептивного процесса в контексте культурного взаимодействия [Выготский 2008].

Культурный контекст предлагает определённые рамки для формирования собственной идентичности и усиления или сохранения чувства принадлежности к сообществу. Культура как ценностно-нормативный регулятор социальной жизни человека представляет собой символическую систему, включающую определённый язык, правила отношений, модели поведения, общие объекты и прецедентные феномены, имеющие особое значение для людей, которые идентифицируются с конкретным социумом. Речевое поведение является одним из основных элементов культуры, позволяющих индивиду участвовать в общественной жизни в соответствии с правилами, разделяемыми всеми членами лингвокультурного сообщества.

А.Н. Леонтьев [Леонтьев 2005] отмечал, что у социокультурного представления «пристрастная» природа, поскольку объекты и предметы окружающего мира подвержены оценочным трансформациям, связанным с реальным опытом человека. Развитие общих культурных атрибутов посредством обмена опытом с другими членами своего сообщества увеличивает привлекательность введения нового в социокультурную сферу, вследствие чего существующие феномены наполняются иным смыслом, «окрашиваются» определённым образом и конкретизируются, вербализуясь в языке и речи.

По мнению S. Moscovici, «для повышения компетентности индивида, познающего социальный и культурный мир, необходима его постоянная коммуникация с другими, поскольку только в ходе коммуникации мир обретает смысл» (*перевод здесь и далее наш. – О.З.*) [Moscovici 2004: 43]. Человек существует в социальной среде, а в ней важен знаковый, смысловой аспект поведения. Только коммуникация позволяет почувствовать «пульс мира». Данный постулат S. Moscovici наполняется особым содержанием в современном обществе. С позиции вышеупомянутого автора, сегодняшний мир – «это не профессиональный, а профессиональный мир, в котором доминирует сделка, экспертиза, т.е. существует подчинение логике полезности и инструментальной рациональности. Мир, в котором торжествует рынок, наполнен «языком лжи», и, следовательно, для проникновения в суть существующих отношений не обойтись без развития «грамматики коммуникаций» – умения вскрывать смысл в этом «знаковом языке лжи». Кроме того, современный мир, по мнению автора, полон «опасных истин», согласно которым люди интерпретируют свое существование и свой опыт, а язык – способ проведения своих действий [Moscovici 2004: 58].

Таким образом, кинематика коммуникативного пространства в широком смысле включает символический обмен знаками – носителями социальной информации, предоставляющими определённый алгоритм

понимания социальных феноменов, и являющимися результатом коннекции между индивидом и его опытом. Взаимодействия, влияния, культурные оповещения рассматриваются как способы передачи семиотического значения, связанного с логикой социального знака, и понятийного значения, означающего смысл. Эта амбивалентность придаёт коммуникации размерность медиации, которая проявляется как в производстве смысла, так и в построении формы, что позволяет культурным процессам функционировать в качестве среды, в которой передаются различные формы человеческого опыта. С позиции разрабатываемой нами лингвoseмиотической теории тропов «этот процесс основан на индивидуальной, культурной и социальной означивающих практиках, объективирующих в рамках искусственного семиозиса связь перцептивной деятельности с лингвистическими процессами и обеспечивающих возникновение актуализированного представления конкретного предмета/объекта окружающей действительности, противопоставляемого хаотичности семиозиса с последующей ассимиляцией в языковом поле» (см. подр.: [Зубкова 2010; 2013: [http](#)]).

Исходя из изложенного, полагаем, что тропы, как особые знаки семиотического континуума, представляют собой способ некоего опосредования поведения индивида, соединяя прогностический, акциональный и суггестивный аспекты, обеспечивающие экстерьерную идентификацию исследуемого феномена внутри континуума, семиотируя тем самым конкретную социальную ситуацию (см. подр.: [Зубкова 2013: [http](#), Зубкова 2014: [http](#)]). Тропы способствуют направлению коммуникации, обозначению общегрупповых ценностей, объективируя уже имеющееся знание о мире. В акте коммуникации с помощью тропической лексики происходит сопоставление «готовых» значений при расшифровывании культурного кода и вызываемых ими ассоциативных представлений, а также кажущихся несовместимыми на первый взгляд внеязыковых сущностей. «При этом понятийная редукция в семантическом пространстве <...> осуществляется на основе когнитивного потенциала метафоризации при неизменном учете знаковых флуктуаций лингвистического и семиотического полей» [Зубкова 2014 [http](#)].

В этой связи, как показали полученные нами эмпирические данные, очевидна особая интерференция социальных факторов на речевое поведение индивида и на употребление, например, метафоры как наиболее репрезентативного тропа. Кроме того, данная языковая единица может оказывать влияние на социальный контекст, реализуя индивидуальный и социальный способы отношения к окружающему миру одновременно. В рамках статьи мы остановимся лишь на отдельных теоретических аспектах представления тропов как инструмента социального консенсуса.

М.А. Глухова акцентирует внимание на языковом и внеязыковом характере процесса метафоризации и подчеркивает его универсальность,

что подтверждается проводимыми в смежных науках исследованиями [Глухова 2005: 160]. Разделяя позицию автора, заметим, что в процессе метафоризации индивид осуществляет «схватывание» идей посредством языковых единиц (в нашем случае – тропов), соединяя в последних семасиологические, ономазиологические и концептуальные категории. Это способствует дальнейшей разработке данных идей дискурсивной рефлексией, осуществляемой в рамках лингвосоциокультурной концептуализации. Вместе с тем рефлексивность подобных языковых единиц, как результата процесса метафоризации, связана с апелляцией к чувственному восприятию индивида, сопряженной с эмоциональными переживаниями, что обеспечивает конвергентный потенциал выражаемых в них мыслей и идей. Подобные перцептивные процессы требуют более длительного времени для реализации точного тайминга силенциальных сегментов, учитывая тот факт, что функционально они осуществляются в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Вместе с тем при учёте иных категориальных социальных фильтров (гендера, образования, профессии...), деятельность которых регламентируется культурно-национальными особенностями, лингвосоциокультурными нормами, социальным статусом индивида, происходит селективный отбор материала для последующей вербализации. Иными словами, на данном этапе формирования высказывания с использованием тропа к психическим и психологическим факторам присоединяется и социальный.

Как справедливо отмечает М.В. Субботина, «дифференциация типов текстовой модальности обуславливает дифференциацию модальности социальной информации» [Субботина 2006: 239]. По нашему мнению, наиболее рельефно это эксплицируется в тропах, выступающих в качестве языкового коннектора, которым присущ высокий полиморфизм: одно и то же понятие может быть представлено различными концептами в разных лингвокультурах и социумах. Например: в русской научной традиции некоторые психологи уподобляют динамический концепт хаоса депрессивному синдрому, другие – креативности или деструктивным психическим проявлениям, а во французском языке тот же паттерн представлен философской категорией «тождества действия».

Нами было замечено, что в рамках социальной коммуникации исследуемый феномен образует особую группу средств вербальной манипуляции, контекстуально обусловленную и основанную на определенной семантике социальных стереотипов, используемых как часть целенаправленной технологии модификации смысла. Н.Ф. Крюкова отмечает, что «в филологической герменевтике метафора понимается как одна из техник, обеспечивающих рефлексирование над текстом» [Крюкова 2005]. Подчеркнём, что при этом в речемыслительной деятельности основой для реализации метафоризации могут быть любые признаки предмета / объекта, случайные или несущественные, но

значимые для индивида в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Метафорообразование как элемент языковой манипуляции в коммуникативном акте осуществляется в рамках ситуационного моделирования. Первоначально происходит инициализация объекта или мысли с наделением его (её) каким-либо признаком, являющимся определённым маркером и знаком для данного объекта. Затем – сопоставление этого предмета/объекта с другим, уже известным. Опора на ситуацию и структуру знаний о том, что, как и с чем связано в окружающем мире играет при этом особую роль. На этапе обработки реализуется характеристика объекта целым рядом отношений и свойств, среди которых в результате концептуального сжатия выделяются наиболее существенные (с точки зрения индивида) и происходит образование общего понятия, выраженного тропом. На этом уровне эксплицируются сложные стратегии образного и понятийного кодирования, осуществляемые в индивидуальном семиотическом континууме в рамках ситуативного моделирования: генерируемый центральный поток формирует символные репрезентации в зависимости от антиципируемых характеристик значимости и актуальности конкретного высказывания. Именно этот этап предшествует семиотизации в конкретной системе знаков и является, следовательно, чисто концептуальным. Таким образом, троп, как результат процесса метафоризации, включает в себя два вида перцептивного опыта, взаимодействующих друг с другом, концептуализацию объекта/предмета и его семиотизацию в определенной социальной знаковой системе. «На этом фоне значительный интерес вызывает последовательность механизмов осмысления семиотической реальности и их манифестация посредством знаков в предлагаемых нами индивидуальной, культурной и профессиональной означивающих практиках» [Зубкова 2013: [http](http://)]. Иными словами, адресат сам «создает» троп, максимально наполняя его общественными символами и индивидуальным семантическим содержанием, которые объективируются при доминанте одной из означивающих практик, а затем в законченной форме – в коммуникативном акте. Кроме того, тропеическая лексика предстаёт как некая конгломерирующая форма, посредством которой адресант обнаруживает свою личность. Таким образом, картина мира с доминированием аксиологического компонента наиболее чётко выкристаллизовывается на уровне номинации с использованием тропеической лексики, что делает её неоднозначной и ёмкой.

Поскольку культура задаёт определённую систему ценностных установок и оценок, имеющих семиотическую природу, то социальные константы не могут не оказывать влияние на создание общего ландшафта сообщения и единого образного ряда высказывания. Общая кинематика лингвокультурного семиотического континуума способствует объединению предметного пространства и социальной деятельности

индивида, формируя базу означивающих стереотипов. Частотность их воспроизводства, провоцируемая продолжительностью контактирования индивида с объектами/явлениями окружающей действительности, обуславливает лонгитюдный характер социальных эстафет (термин М.А. Розова).

Трудно не признать тот факт, что культурная самоидентификация личности как представителя некоторого социального сообщества осуществляется в социальном взаимодействии посредством манипуляций с оценочными шкалами или полного изменения оценочного вектора, с использованием идентифицирующих социальных паттернов, а также с помощью различных приёмов семантической сочетаемости тропеической лексики. «Появление каждого элемента речевой цепи как бы предопределяется всеми предшествующими элементами и объясняет все последующие составляющие: в коммуникации одновременно или последовательно воспринимаются два значения, одно из которых – неожиданно и метафорично» [Зубкова 2017: 23]. Семантическая дивергентность тропа, как нам представляется, в этом случае заключается в частичной рестрикции или, напротив, в неожиданном объединении двух несовместимых значений в одной графической или фонетической форме.

Содержание разных эстафетных программ зависит от культурной референции, манифестирующей в коммуникативной деятельности человека индивидуальную, лингвистическую и социальную составляющие. Последние репрезентируют определённый набор социальных архетипов, представленных личностными детерминантами поведения в индивидуальном когнитивном пространстве. Объективация данных составляющих речевой интеракции сопровождается доминантой таких нормативных установок, как относительная независимость индивидуального знания от культурного и необходимость нахождения референтов в семиотической реальности, репрезентируемых индивидуальными семиотическими объектами, и корреляция их с культурными. Следовательно, эффективность развертывания коммуникативной ситуации зависит от социальной адаптации личности при неизменном учёте речеповеденческой реакции и конкретных ситуационных параметров.

Таким образом, возможен вывод о том, что вариабельность использования тропеических средств в речи может являться результатом взаимодействия личностных (в том числе когнитивных) и ситуационных переменных. Нами установлено [Зубкова 2017], что при восприятии / продуцировании тропа процесс метафоризации влияет на понимание и помогает адресату интерпретировать сказанное или прочитанное в соответствии со своим личным опытом и средовой детерминированностью.

Относительная стационарность употребления тропа в высказывании с точки зрения языковой системы, однако, не лишает его манипулятивного потенциала и позволяет рассматривать как инструмент социального консенсуса. Процессы речевого общения постепенно приводят к выработке особым образом мотивированных знаков языка и культуры, которые в совокупности демонстрируют нормы речевого взаимодействия. При использовании конвенциональных значений информация не всегда верифицируется, поскольку значима опора на определённую стереотипизацию, реализуемую в рамках понятийно-языковых координат конкретной культуры. В рамках метафоризации универсальные понятия, касающиеся социальных детерминант, приобретают новые «условия» функционирования. Новая информация селективно отбирается и интерпретируется таким образом, чтобы «подтвердить» структуру существующих социальных констант для убеждения адресата в их обоснованности и правильности, «спроектировав» тем самым его дальнейшую реакцию (см. подр.: [Зубкова 2013: [http](#), 2014: [http](#)]).

В связи со сказанным подчеркнём, что когнитивный процесс метафоризации возможен не только в речевом акте как части событийной реакции, но может осуществляться в семиотическом поле коммуникации в целом, не имея своей целью адресовать реципиенту конкретный троп. В этом случае его целью является гармонизация речевого действия, нивелирующего трудности идентификации. Троп обозначает рематический компонент высказывания и закрепляется в виде образного эталона. Закрепленность за определенным обычаем или типовой ситуацией обеспечивает устойчивость культурных архетипов и сохранность языковых эталонов, входящих в структуру объективного общественного бытия. Индивидуальный способ их использования предоставляет возможность отражения нюансов ситуации и способствует развитию разветвленной вариативности языковых средств, значимых с точки зрения формирования определенных образов в сознании индивида. При этом «субъективное» и «объективное» находятся в отношениях нерасторжимого единства, в рамках которого всё происходящее в жизни социума может осуществляться только «проходя» через сознание.

Согласно нашим выводам, необходимость компактной подачи материала, а также особенность современных каналов связи и компрессия времени являются причинами использования метафорических единиц (в нашем понимании – тропов) разнокодовой принадлежности в социальной коммуникации. Использование тропеической лексики в социальной коммуникации обусловлено, прежде всего, интенцией адресанта, направленной на формирование необходимой информации прагматического толка. В современном социуме постепенно расширяется содержание и понятие метафоризации в результате реализации намерений адресанта, что влечет за собой изменение референтной области самого

тропа на уровне субъективных интерпретативных смыслов адресанта. Кроме того, правила общественной риторики предполагают использование «общегруппового языка» для достижения консенсуса внутри группы. В этом случае использование тропов является определенным маркером, являющим социальную идентификацию индивида по принципу «он говорит как мы, значит он один из нас». Принимая во внимание тот факт, что общественное сознание гетерогенно, социальные стереотипы, зафиксированные в языковом поле в виде тропеической лексики, стратифицируют реальную коммуникацию на группы (профессиональные, социальные и т.д.) и вербально овнешняют культурные, общественно-политические и иные реалии.

Подчеркнём, что использование тропов в вербальной интеракции «облегчает жизнь» познающему индивиду. Значительная часть информации трансформируется или воссоздается по-новому при использовании тропеического средства. Ритуализированная маркировка речи посредством употребления в ней тропов позволяет объективировать различия на уровне когнитивных структур в процессе социального взаимодействия групп. Очевидно, что использование в коммуникативном поле каламбуров, метафор, метафорических выражений, метонимий, олицетворений, гипербол не является обязательной нормой социального поведения. Как правило, их объективацию провоцируют определенные обстоятельства. В наших эмпирических изысканиях установлены наиболее типичные условия их употребления (см. подр.: [Зубкова 2013: [http](http://), Зубкова 2017]): произвольность быстрого решения; дефицит времени для обдумывания / пересказа ситуации; недостаточность информации для осмысленного вывода; перегруженность информацией, затрудняющая возможность её когнитивной обработки; высокая социальная значимость обсуждаемого феномена, делающая достаточно актуальным точное знание о нём.

Таким образом, коммуникативные возможности тропа как инструмента социального консенсуса в речевой интеракции зависят, прежде всего, от саморепрезентации личности и направлены на усиление позитивного / негативного аксиологического эффекта. Вместе с тем важно заметить, что микросоциум влияет на частотность употребления исследуемого феномена, апелляции к нему при принятии общегруппового решения. Подчеркнём значимость фактора смысловой диссипации тропеической лексики для формирования социального консенсуса, определяемого семиотическими категориями и уровнем коммуникативной компетенции индивида.

Библиографический список

Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. М.: АСТ Москва, хранитель, 2008. 668 с.

Глухова М.А. Метафоризация в аргументации // Вестник Тверского государственного университета. Тверь: ТвГУ, 2005. №1. С. 157–160.

Зубкова О.С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. 2010. № 3. С. 41–48.

Зубкова О.С. Специфика объективации означивающих практик в рамках интегрированного лингвосомиотического пространства // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (13) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).

Зубкова О.С. Неоднородность каламбура как лингвосомиотического феномена и проблема понятийной редукции // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 1 (15) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/015-006.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).

Зубкова О.С., Ушкалова М.В. Лингвосомиотическая реализация каламбура в публичной речи. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. 155 с.

Крюкова Н.Ф. Риторико-герменевтическая модель метафоризации // Вестник Тверского государственного университета. Тверь: ТвГУ, 2005. № 1. С. 66–80.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Субботина М.В. Межкультурная метафора в русском художественном дискурсе: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 2006. 282 с.

Jung C.G. Métamorphoses de l'âme et ses symboles. LGF, coll. «Livre de Poche». Paris. LGF. 1996. 770 p.

Moliner P. Images et représentations sociales de la théorie des représentations à l'étude des images sociales (Vies sociales). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1996. 275 p.

Moscovici S. La psychanalyse son image son public. Paris, PUF, 2004 (3 ed.). 512 p.

Vinzerich A. La sémantique du possible: approche linguistique, logique et traitement informatique dans les textes. Thèse de doctorat. Université de Paris-Sorbonne. 2007. 398 p.